Киевлянин 1889 № 107, 18 мая

(Мос-ие)

(Из Зам. Зарубеж) 3, 425

с. 3.

№ 4 гр. VII

№ 4 гр. VII

Спектакли товарищества московскихъ артистовъ. («*Иванов*», *др. въ 4 хъ дѣйст. А. П. Чехова.*) Кто такой Ивановъ, герой драмы г. Чехова, въ смыслѣ общественнаго типа? На этотъ вопросъ отвѣчать не легко. «Жалкій и ничтожный и человѣкъ», говоритъ Ивановъ о себѣ. «Ну, не смѣшно ли, не обидно-ли?» Еще года пять, какъ былъ здоровъ и силенъ, былъ бодръ, нетомимъ, горячъ, работалъ, умѣлъ плакать, когда видѣлъ горе, возмущался, когда встрѣчалъ зло. Я зналъ, что такое вдохновеніе, зналъ прелесть и поэзію тихихъ ночей, и мечталъ, въ будущее глядѣлъ, какъ въ глаза родной матери... А теперь, о, Боже мой! Утомился, не вѣрю, въ безсильи провожу дни и ночи. Не слушаются ни ноги, ни руки, ни мозгъ. Ничего я не жду, ничего не жаль, душа дрожитъ отъ страха передъ завтрашнимъ днемъ. Стыдно, обидно... Сашу, дѣвочку, трогаютъ мои несчастья. Она мнѣ, почти старому, объясняется въ любви, а я пьянѣю, забываю почти про все на свѣтѣ и шучу: «Новая жизнь, счастье!» А на другой день вѣрю въ эту жизнь и счастье такъ же мало, какъ въ домового... Что-же со мной? Въ какую пропасть я толкаю себя? Откуда во мнѣ эта слабость? Не понимаю, не понимаю, не понимаю! Просто, хоть пулю въ лобъ!..» Вотъ то душевное состояніе, въ которомъ застаетъ зритель героя драмы г. Чехова въ моментъ поднятія занавѣса, но когда пьеса оканчивается, зритель все таки не можетъ себѣ дать точнаго отвѣта на вопросъ—кто такой Ивановъ, чѣмъ вызвана его нравственная дряблость, его расшатанность, полное отсутствіе въ немъ силы воли. Зритель чувствуетъ, что въ Ивановѣ сгруппировано не мало типичныхъ чертъ, что людей, подобныхъ Иванову, встрѣчается множество на каждомъ шагу, но для него нѣтъ тѣ соціальныя условія, на почвѣ которыхъ могъ народиться такой пошлый, уродливый человѣкъ. Нельзя сказать, чтобы г. Чеховъ не пытался объяснить этого, въ одномъ мѣстѣ тотъ-же Ивановъ говоритъ одному изъ дѣйствующихъ лицъ: «если когда нибудь тебя встрѣтится молодой человѣкъ, горячій, искренній, неглупый, и ты увидишь, что онъ любитъ, ненавидитъ и вѣритъ не такъ, какъ всѣ, работаетъ и мечется на десятерыхъ, грѣшится съ нельщицами, бьется лбомъ о стѣны, если увидишь, что онъ взваливъ на себя ношу, отъ которой хруститъ спина, и тянутся жилы, то скажи ему: не спѣши расходовать силы на одну только молодость, побереги ихъ для своей жизни, злой вѣрь, иначе жестоко накажетъ тебя судьба: 30 лѣтъ уже настанетъ похмѣлье, и ты будешь старъ. Съ тяжелой головой, съ жалкой душой, безъ вѣры, безъ любви, безъ цѣли, какъ тѣнь, ты будешь слоняться среди людей и не знать: кто ты? зачѣмъ живешь? что хочешь?» Поэтому, въ этомъ нельзя не видѣть желанія автора объяснить происхожденіе расшатанности своего героя, но такое объясненіе далеко недостаточно. Общественный типъ не есть продуктъ личныхъ индивидуальныхъ особенностей, а продуктъ среды, его создающей. Въ пьесѣ г. Чехова именно и отсутствуетъ характеристика тѣхъ особенностей современнаго русскаго общества, подъ вліяніемъ которыхъ получила право гражданства наши безчисленные Ивановы. Воздѣйствіе на Иванова дѣйствующихъ лицъ пьесы таково, что оно можетъ объяснить до извѣстной степени поступки его въ рамкахъ пьесы, но не объясняетъ зарожденія Иванова на русской почвѣ. Ивановъ, непрѣнятный членъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, женатъ на крещеной еврейкѣ, которая пожертвовала для него всѣмъ дорогимъ ей—и религіей, и семьей. Въ такомъ бракосочетаніи героя пьесы нельзя не видѣть излишняго сгущенія красокъ со стороны автора, какъ намъ кажется, имѣвшаго въ виду усиленіе впечатлѣнія безхарактерности Иванова на счетъ самопожертвованія его супруги. Въ самомъ дѣлѣ, несмотря на такое самопожертвованіе жены, Ивановъ, спустя пять лѣтъ послѣ брака, разлюбилъ ее, видимо тяготится ею и по временамъ просто не выноситъ ея присутствія. Жена больна чахоткой, но Ивановъ не можетъ въ угоду ей просидѣть ни одного вечера дома, а по цѣлыми ночамъ пропадаетъ у предсѣдателя земской управы Лебедева. Больная женщина начинаетъ подозрѣвать, что истинная причина поѣздокъ мужа къ Лебедеву—его молоденькая дочь Саша, и вотъ, чтобы провѣрить свое подозрѣніе, она, въ день рожденія Саши, ѣдетъ вслѣдъ за мужемъ и здѣсь застаетъ его въ моментъ объясненія въ любви съ Сашей. Взаимная привязанность Саши и Иванова родилась такъ же, какъ вспыхнула любовь Отелло и Дездемоны: она его полюбила за страданія, за тотъ душевный разладъ, который не давалъ ему покоя, а онъ ее за сочувствіе къ нимъ. Однако, послѣ объясненія съ Сашей душевное состояніе Иванова не улучшилось, а, напротивъ того, онъ сталъ себя чувствовать еще хуже. Онъ находился подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ впечатлѣній. Онъ не могъ дать полной свободы своимъ чувствамъ къ Сашѣ, въ этомъ мѣшало сознаніе долга въ отношеніи жены; жену эту онъ и ненавидѣлъ, и сожалѣлъ, сознавая, какъ былъ виноватъ передъ нею. Ко всѣмъ этому прибавлялась еще постоянныя ежедневныя непріятности: то деньги надо платить рабочимъ, а ихъ нѣтъ, то докторъ жены, принципіально-честный молодой человѣкъ, начнетъ его въ глаза изобличать и называть подлецомъ, то управляющій имѣніемъ Борикинъ наговоритъ цѣлую кучу вздора и натворитъ гадостей, то сосѣди съѣдутся и откроютъ набатъ въ его домѣ, то выпустятъ новую сплетню. Совокупность всего этого до того усиливаетъ раздражительность въ Ивановѣ, что онъ набрасывается на несчастную больную жену, полюбопытствовавшую узнать, начѣмъ къ нему пріѣзжала Саша Лебедева, называетъ ее «жидовкой» и съ нанимъ-то непонятнымъ злорадствомъ, съ жестокостью заявляетъ ей: «такъ знай-же, что ты скоро умрешь... Мнѣ докторъ сказалъ»... И вслѣдъ за этимъ въ Ивановѣ начинается самообвиненіе: «Какъ я виноватъ! Боже, какъ я виноватъ!»—громко кричитъ онъ, рыдая. Жена Иванова дѣйствительно скоро умираетъ, и Ивановъ собирается жениться на Сашѣ. Уже наступилъ день свадьбы; невѣста собирается ѣхать въ церковь, какъ въ это время является Ивановъ и объявляетъ, что онъ раздумалъ женаться, такъ какъ пришелъ къ сознанію, что Саша не можетъ быть съ нимъ счастлива, а онъ только загубитъ ея жизнь, какъ загубилъ жизнь своей покойной жены. Саша на это на что на это не соглашается, но Ивановъ твердо стоитъ на своемъ; ихъ споръ прерываютъ вошедшіе въ комнату гости, въ числѣ которыхъ находится и принципіально-честный докторъ Львовъ, который при всѣхъ называетъ Иванова подлецомъ. Ивановъ нѣкоторое время стоитъ неподвижно, а потомъ вытаскиваетъ изъ кармана револьверъ и, произнося «я сейчасъ все это кончу, разошлась моя душа!» Проснулась во мнѣ молодость, заговорилъ прежній Ивановъ»—застрѣливается и уноситъ въ могилу тайну своего нарожденія. Даже окружающіе Иванова не понимаютъ его. Они много говорятъ о немъ, но не знаютъ, какъ истолковать его поступки. Докторъ Львовъ считаетъ его подлецомъ, чрезмѣрнымъ эгоистомъ, объясняя какъ его женитьбу на Саррѣ Абрамсовѣ, такъ и его намѣреніе жениться на Сашѣ Лебедевой исключительно матеріальными соображеніями; съ этимъ согласны и многіе изъ другихъ дѣйствующихъ лицъ пьесы, но на самомъ дѣлѣ это не такъ. Ивановъ не подлецъ, а просто человѣкъ, совершенно утратившій самостоятельность надъ собою. Ивановъ является въ пьесѣ лицомъ довольно выдержаннымъ въ этомъ направленіи, но, повторяемъ, не объясненнымъ, какъ объясненъ, напр., Онѣгинъ у Пушкина. Та среда, въ которой вращается Ивановъ, обрисована авторомъ хотя достаточно рельефными и сильными штрихами, но только въ общихъ чертахъ. Въ пьесѣ много дѣйствующихъ лицъ, всѣ они представители провинціальной интеллигенціи, но во всей своей совокупности только даютъ нѣкоторое поверхностное понятіе о современной провинціальной жизни. Однако, въ драмѣ г. Чехова важно то, что, несмотря на многочисленность дѣйствующихъ лицъ, авторъ до извѣстной степени умѣетъ воспользоваться всѣми ими для своей конечной цѣли, что сообщаетъ его пьесѣ извѣстную долю внутренняго единства, а въ этомъ уже очень важное преимущество г. Чехова передъ другими нашими драматургами; при той широкой наблюдательности, при томъ глубокомъ пониманіи человѣческой души, которыя теперь уже сказываетъ во всѣхъ безъ исключенія произведеніяхъ молодого писателя, въ этомъ единствѣ залогъ его дальнѣйшихъ успѣховъ на литературномъ поприщѣ. Несмотря на то, что многіе изъ дѣйствующихъ лицъ произносятъ въ пьесѣ всего нѣсколько словъ, ихъ нельзя выбросить за бортъ, потому что безъ ихъ участія нельзя будетъ объяснить многихъ поступковъ Иванова. Строго говоря, изъ персонажей пьесы можно было бы исключить безъ ясного ущерба одного только лицо Косыха, и совершенно ненужного въ пьесѣ, и, сверхъ ожиданія, карикатурно очерченнаго (нельзя же заставить дѣйствующее лицо все время говорить только о картахъ). Не говоря о героѣ пьесы, болѣе другихъ разработана и удачно очерчена авторомъ фигура предсѣдателя земской управы Лебедева. Это человѣкъ, совершенно покончившійся провинціалъ своей супруги, но человѣкъ глубоко-честный, искренній, готовый прійти каждому на помощь, переставшій жить для себя. Единственная его слабость—пристрастіе къ спиртнымъ напиткамъ, вѣроятно появившееся подъ вліяніемъ неудачной супружеской жизни. Но о своихъ переживаніяхъ неудачахъ Лебедевъ никогда не говоритъ, о нихъ только можно догадаться по его нѣжной привязанности къ дочери да по тому сочувствію, съ которымъ онъ относится къ чужому горю. Напрасно только г. Чеховъ назвалъ Лебедева предсѣдателемъ земской управы, правдоподобнѣе было бы назвать въ немъ просто помѣщика. Довольно удачно задумана, но не такъ удачно выполненъ дядя Иванова, обѣднѣвшій графъ Шабельскій, живущій на хлѣбахъ у племянника, который, подъ вліяніемъ несчастно сложившихся условій жизни, привыкъ и къ унижаніямъ, и къ заискиваніямъ, но въ которомъ не умерла еще графская гордость и барскія привычки, по временамъ напоминающія о себѣ, и, прорываясь, возбуждающіе сочувствіе зрителя къ жалкому старику.

Пьеса шла въ бенефисѣ В. Н. Давыдова съ бенефиціантомъ въ заглавной роли. Даровитый артистъ на этотъ разъ имѣлъ случай показать все разнообразіе своего крупнаго сценическаго дарованія, далеко не заключенного въ рамки односторонности. Не говоря уже о строгой выдержанности характера Иванова, требующей отъ артиста громадной затраты сценическаго творчества, г. Давыдовъ далъ рядъ блестящихъ моментовъ, полныхъ экспрессіи и артистическаго вдохновенія, потрясающихъ зрителя до глубины души. И трудно сказать, что болѣе сродно дарованію г. Давыдова: область-ли комическихъ ролей или драматическихъ. Артистъ весь вечеръ приковывалъ вниманіе публики, награждавшей его безчисленными вызовами и аплодисментами. Въ антрактѣ г. Давыдову поднесены лавровый вѣнокъ и прекрасной работы серебряный гершпицъ съ надписью: «В. Н. Давыдову. Кіевъ. 16 мая 1889 года».

Успѣхъ бенефиціанта раздѣляли г-жа Рыбчинская, очень удачно воспользовавшаяся немногими указаніями автора для воспроизведенія нѣсколько экзальтированной дѣвушки Саши; г. Соловцовъ, прекрасно справившійся съ ролью Лебедева; г. Свѣтловъ, характерно передавшій роль суетливаго «души общества» Борикина, любящаго путнуть, сосватать кого нибудь и вѣчно ищущаго средствъ къ легкому обогащенію, и г. Рощинъ-Инсаровъ, сдѣлавшій все, что можно было сдѣлать изъ довольно тавы безцвѣтной фигуры молодого доктора Львова, истати и некстати кричащаго о своей честности.

Из. Ал—ский.

Дозволено цензурою

Печатня Ф. Гекелмана

Редактор Ивановский

Видавець Ф. Гекелман